

Последние пару дней в Улине царила на редкость странная атмосфера.

По всем канонам, вознесению главы Сюэ его ученикам следовало лишь радоваться да устраивать пышные празднества, однако никто не ожидал, что перед уходом тот оставит собственноручное письмо. И ладно бы просто письмо — в нём он завещал пост главы школы какому-то бродяжке, подобранному на улице.

Цэнь Цихэ и Юй Дайлань, едва прослышав о случившемся, поспешили вернуться назад. Первым делом они отправились вовсе не к Шитоу, а принялись допрашивать Фу Цинфэна. Однако тот налился до беспамятства и лыка не вязал. На любые расспросы отвечал невпопад: ему про Фому, а он про Ерёму. Под конец он и вовсе вцепился в ноги старших соучеников и разрыдался в три ручья.

— Я виноват перед тобой, Фу Инъин, несравненная столичная куртизанка! — истошно вопил он сквозь рыдания.

У обоих гостей при виде этого зрелища в висках заколотило от злости. Плюнув на пьяницу, они отправились искать Шитоу и застали его за весьма... неожиданным занятием. Бессмертный Ши изволил бороться на руках с владыками пещер.

Новоявленный лидер развалился за столом, небрежно закинув ногу на ногу. Закатав широкий рукав, он лениво вытянул точёную, белую как нефрит руку и, склонив голову набок, дразнил окруживших его людей:

— Ну что, слабаки? Может, ещё парочка попробует?

Его бледное предплечье уже покрылось багровыми отпечатками чужих пальцев. Несколько владык пещер, намертво уперевшись ногами в пол, облепили его со всех сторон: один пытался удержать его локоть, другой выкручивал пальцы, а ещё трое, багровея от натуги и пытаясь изо всех сил, тщетно силились стащить с его указательного пальца кольцо из белого нефрита.

— Что здесь происходит?! — взорвался гневом Цэнь Цихэ. — Что за непотребство!

Владыки пещер так и подпрыгнули от неожиданности. словно напуганные воробьи, они мигом бросились врассыпную и теперь стояли поодаль, скромно потупив взоры и не смея издать ни звука.

Только тогда Шитоу неторопливо повернулся к вошедшим. Лениво опустив рукав, он благосклонно кивнул им и с усмешкой протянул:

— О, явились наконец.

Этот по-хозяйски вальяжный тон окончательно вывел визитёров из себя. Юй Дайлань, не

говоря ни слова, выхватил меч из ножен:

— Ах ты, проходимец! А ну кайся: что за пакость ты сотворил с нашим Улинем?

— С *нашим* Улинем, — поправил его Шитоу.

Он не спеша поднялся, панибратски похлопал Юя по плечу и, приподняв тонкую бровь, окинул взглядом притихших владык пещер, которые сейчас походили на напуганных перепёлок. Ткнув пальцем в потолок, он добавил:

— Вообще-то, отныне я ваш верховный предводитель. Вот только твои подопечные усомнились в моей честности, решив, будто я подделал волю покойного. Пришлось пойти им навстречу: я пообещал, что тот, кто сумеет снять это нефритовое кольцо с моего пальца, заберёт себе и пост главы школы.

— Какая чушь! — возмутился Цэнь Цихэ. — Ты...

— Глава пика Цэнь! — театрально ахнул Шитоу, бесцеремонно перебивая его. Шагнув ближе, он ухватил Цэня за запястье. — Погляди на своих учеников! Они же спят и видят, как бы занять место главы школы и помыкать тобой! Живо вели слугам всыпать им по три сотни палок, покажи им, каков в гневе глава пика!

Стоящие в углу владыки пещер так и вздрогнули, сердито сверкнув глазами в его сторону.

Цэнь Цихэ промолчал, нахмурившись, но Шитоу лишь хихикнул. Схватив его за ладонь, он легонько провёл по ней своим указательным пальцем в нефритовом кольце:

— Или, может, ты и сам не прочь попытать счастья?

Глава пика Цэнь поспешно отступил на несколько шагов, брезгливо вырывая руку.

— Завещание я изучил, — холодно отчеканил он. — Оно подлинное. Да и кольцо действительно принадлежит нашему покровителю, бессмертному владыке Улиню. Но если ты думаешь, будто этого достаточно, чтобы мы признали твою власть, то глубоко заблуждаешься. Я дождусь благоприятного часа, сотворю заклятие Призыва Божества и лично спрошу совета у учителя. Только тогда решу, что с тобой делать.

Услышав это, Шитоу перестал кривляться, а с его лица сошла весёлая маска.

— Что, воришка? — язвительно прищурился Юй Дайлань. — Душа в пятки ушла? Совесть заговорила?

Шитоу даже не взглянул на него. Взмахнув рукавом, он отвернулся и бросил небрежным, почти невесомым тоном:

— Ладно вам зубами щелкать. Вот разнесу к чертям школу Цаншань, покончу со старыми счётами — и забирайте свой пост главы школы обратно. Нужен он мне больно.

Цэнь Цихэ опешил:

— Разнесёшь Цаншань?

— Именно, — Шитоу снова обернулся, улыбаясь одними губами. Однако взгляд его оставался ледяным. — Кровь смывается только кровью. Вы, праведные заклинатели, боитесь запятнать душу зловещей ци, а потому не можете карать мечом направо и налево... Но мне-то терять нечего.

Церемонию вступления в должность назначили на первые числа шестого месяца. К тому времени на переправе Персикового источника уже воцарилось лето. Вечно цветущие персиковые сады на склонах гор наконец осыпались, и на ветвях показались крошечные, покрытые нежным пушком зелёные завязи плодов.

В школе Улин никогда не жаловали пышные церемонии. Смена власти здесь обычно проходила без лишнего шума: накрывали скромные столы с духовным вином и фруктами, чтобы ученики могли выпить за здоровье нового предводителя. Самым роскошным торжеством за всю историю школы стало вступление в должность Сюэ Линцзина — тогда сам бессмертный владыка Улин прислал своего верного слугу, чтобы тот вручил преемнику кольцо из белого нефрита в знак благословения.

Но на этот раз тихой и уединённой обители не повезло: им достался на редкость неугомонный лидер, сущий бесёнок. Мало того что он обожал шумное веселье, так ещё и не затыкался ни на минуту. Сегодня он требовал зарезать двух откормленных кабанов, завтра заявлял, что нужно спуститься в мир смертных за партией взрывчатки «Громовое пламя». Судя по всему, этот безумец всерьёз вознамерился заманить всю школу Цаншань в ловушку и подорвать их к чертям собачьим.

Владыки пещер, которых он гонял и в хвост и в гриву, совсем потеряли покой. Они пытались жаловаться главам пиков, но Фу Цинфэн беспробудно пил, а Юй Дайлань от злости ушёл в глухое затворничество, поклявшись не показывать носу наружу.

Цэнь Цихэ целыми днями ходил темнее тучи, втайне мечтая оборвать руки-ноги этому проходимцу. Пытаясь хоть немного унять головную боль, он решил спуститься к горному ручью — излюбленному месту уединения местных праведников. Но стоило ему выйти к берегу, как пред его очи предстала дивная картина: двое поваров из Десятимильного лотосового пруда

подвесили за задние ноги огромную живую свинью. Один уже вовсю точил тесак, а второй разводил огонь под огромным чаном с водой.

Цэнь Цихэ онемел от возмущения.

Боров углядел человека в светлых одеждах и жалобно захрюкал. Видимо, надышавшись духовной ци в священной обители, скотина обрела долю разума и смекнула, у кого просить пощады.

Цэнь Цихэ снова лишился дара речи.

Заметив благообразного заклинателя, повар поспешно отложил точило и поклонился:

— Приветствую вас, бессмертный мастер! Будут ли какие-то особые указания?

Цэнь Цихэ неловко кашлянул в кулак и произнёс:

— Любезный, видишь ли, мы, приверженцы даосизма, давно отказались от мирской пищи и соблюдаем пост. Так что забивать скотину ни к чему. Уберите мясо.

Повар замахал руками и затряс головой:

— Да как же так, господин! Сам глава школы прислал мне записку с подробным меню для праздника и полностью всё оплатил. Нам никак нельзя нарушать уговор! — С этими словами он протянул Цэню сложенный клочок бумаги.

— Мы в Улине не станем мелочиться из-за пары монет... — пробормотал Цэнь Цихэ, забирая записку. Но стоило ему взглянуть на бумагу, как он замер. Почерк был до боли знакомым. В самом низу стояла дата: «Второй день шестого месяца» — то есть вчерашнее число.

Цэнь Цихэ не поверил своим глазам и взволнованно воскликнул:

— Мой учитель приходил к тебе?!

Повар растерялся, но затем расплылся в улыбке:

— А, вы про главу Сюэ? Конечно! Мои предки были земляками почтенного Юй Суцина. В своё время они чудом спаслись от разбойников, и бессмертный Юй всегда помогал нашей семье. Когда пост занял глава Сюэ, он тоже нас не забывал и частенько навещал. Мы эту доброту вовек не забудем! Раз уж выдался случай отблагодарить за заботу, разве можем мы схалтурить?

— Вот и славно, вот и хорошо... — рассеянно пробормотал Цэнь Цихэ, пропустив половину объяснений мимо ушей. Сжимая записку в руке, он поспешил вниз по склону, бормоча себе под нос: — Если учитель спускался в мир смертных, почему же он не навестил нас?

Его шаги были столь стремительны, что он в мгновение ока скрылся за поворотом тропы. Повар лишь растерянно почесал затылок и пробормотал:

— Странно всё-таки... Что не так с этой датой?

— И что же с ней не так?

Раздался чистый, звонкий голос. Повар обернулся и увидел юношу поразительной красоты. Одетый в алые одежды, с ярким венцом в волосах, он держался прямо, подобно благородной сосне в лунную ночь. Вот только в его красивом лице и прищуре сияла неисправимая, чисто бродяжья дерзость.

— О, вы... бессмертный господин Ши...

— Се, — поправил юноша. — Се Цюши.

Повар торопливо отвесил поклон:

— Простите мою глупость, бессмертный Се. Рад приветствовать вас.

— Так что там с датой?

— Ах, да сущая ерунда! Ошибка вышла, — повар почесал макушку. — Глава Сюэ приходил ко мне ещё в конце пятого месяца, числу эдак к двадцатому. А на записке почему-то написал «второй день шестого месяца»...

Шитоу на мгновение замер. Весёлый задор сошёл с его лица, уступив место непривычной тишине. Он медленно опустился на валун у кромки ручья и принялся носком сапога лениво гонять прозрачную воду.

— Господин Се? — неуверенно позвал его повар.

— Всё в порядке, — тихо выдохнул юноша. Он потёр переносицу, пытаясь прогнать внезапно подступившую к горлу тоску. — Он не ошибся. И больше никому об этом не говори.

Собеседник лишь послушно кивнул.

— Возвращайся к работе. С этого дня я сам буду приглядывать за вами — вместо Сюэ Линцзина, — Шитоу поднялся и резко взмахнул рукой. С сухим шуршанием раскрылся изящный веер. Обмахиваясь им, он медленно пошёл прочь по каменистой тропе. Его тихий, едва слышный шепот мгновенно растворился в шелесте ветра:

— Какая глупость... Я ведь и сам на мгновение поверил, что ты ещё жив...

<http://bllate.org/book/18360/1798451>